

УДК 7.01

*А. Л. Усанова,
доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры
культурологии и дизайна,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

*Д. С. Будкеев,
магистр искусствоведения,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

*С. М. Будкеев,
доктор искусствоведения, профессор кафедры искусств,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

ФРОНТОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ХУДОЖНИКА М. Я. БУДКЕЕВА

В статье впервые опубликованы фронтовые воспоминания Михаила Яковлевича Будкеева – единственного народного художника РФ в Алтайском крае. Воспоминания представляют собой взгляд на события предвоенного и военного периода глазами участника героического времени. Этот этап в биографии художника является важнейшим, сформировавшим пронизательный взгляд на мир и стремление отражать красоту жизни средствами изобразительного искусства.

Ключевые слова: предвоенное время, война, бои на передовой, Курская битва.

*A. L. Usanova,
Doctor of Art History, Associate Professor, Professor of the Department
of Cultural Studies and Design, Altai State University (Barnaul, Russia)*

*D. S. Budkeev,
Master of Art History, Altai State University (Barnaul, Russia)*

*S. M. Budkeev,
Doctor of Art History, Associate Professor, Professor of the Department
of Arts, Altai State University (Barnaul, Russia)*

MILITARY MEMOIRS OF THE ARTIST M. YA. BUDKEEV

The article presents the front-line memoirs of the only National artist in the Altai Territory, Mikhail Yakovlevich Budkeev. Memories are a look at the events of the pre-war and wartime through the eyes of a participant in the heroic time. This period in the biography of the artist is the most important, which formed an insightful view of the world and the desire to reflect the beauty of life by means of fine art.

Keywords: pre-war time, war, fighting on the front line, Battle of Kursk.

Творчество единственного в Алтайском крае народного художника Российской Федерации Михаила Яковлевича Будкеева (1922–2019), ветерана Великой Отечественной войны, участника битвы на Курской дуге, является важной частью культуры и искусства Сибирского региона. В 2022 году исполняется 100 лет со дня его рождения. Это поколение художников является одним из немногих звеньев, объединяющих две эпохи: советскую и современную, ни научного, ни политического названия которой ещё нет.

Творчество М. Будкеева обеспечивает необходимую преемственность поколений, помогает ощутить связь наших современников с корневыми устоями отечественного изобразительного искусства, поэтому он одновременно традиционен и современен. Поскольку в настоящее время происходят тектонические сдвиги в общественном сознании представителей разных типов культур, возникает настоятельная необходимость исследования творчества профессиональных мастеров искусства, признаваемых классиками в своих сферах деятельности. Их творчество сегодня актуально как никогда.

Приступая к исследованию личностей, внёсших значительный вклад в изобразительное искусство Алтайского края, учёные нередко сталкиваются с проблемной ситуацией: существует остро осознаваемая актуальность научного осмысления их творчества, и в то же время ощущается недостаток биографического материала, введённого в научный оборот. В этом заключается проблема, которую необходимо решать исследователям, поскольку творчество неотделимо от жизненного контекста биографий художников.

Цель настоящей статьи – ввести в научный оборот период жизни художника, связанный с его участием в Великой Отечественной войне.

Михаил Яковлевич Будкеев родился в посёлке Новый Свет (бывшая Будкеевская Заимка), который основали его предки. Сейчас этот посё-

*Рис. 1. М. Будкеев.
Въезд в село Овсянниково (2006)*

*Рис. 2. М. Будкеев. 9 мая. Давай закурим.
Портрет снайпера
Василия Сергеевича Тутанова (2004)*

лок уже не существует, поэтому многие биографы называют местом рождения М. Я. Будкеева ближайшее крупное поселение – село Овсянниково Целинного (ранее Яминского) района Алтайского края.

Жители посёлка вели натуральное хозяйство, обеспечивали себя самым необходимым. С детства Михаил любил рисовать, но условий для обучения не было. В 1940 году Михаил Будкеев поступил в Канскую военную авиационную школу, где освоил несколько специальностей – бомбометание, штурманское дело и другие. С этого времени началось его вхождение в активную общественную жизнь, причём в самый напряжённый период жизни страны и каждого человека.

К началу войны М. Будкеев был курсантом школы. К 1943 году, в связи с подготовкой круп-

ных наземных операций Ставки Верховного главнокомандующего его перевели в Новосибирское пехотное училище, которое он окончил с присвоением воинского звания лейтенанта. Далее Михаил был направлен в район Орловско-Курской дуги для подготовки контр наступательной операции.

Оказавшись в пекле войны, М. Будкеев проявил выдающиеся организаторские и боевые качества, которые помогли ему впоследствии, в мирное время, в его путешествиях по отдалённым уголкам Горного Алтая, в работе в качестве парторга и председателя Алтайского отделения Союза художников. На войне Михаил Будкеев не писал дневников, но цепкая память сохранила все подробности, и с 1970-х годов он начал подробно записывать события тех лет.

Для сегодняшних исследователей творчества художников поколения Великой Отечественной войны их фронтовые воспоминания являются бесценными. Этот важнейший период жизни страны во многом повлиял на мировосприятие творческих людей 1950–1970-х годов, остался частью жизни фронтовиков, сменивших боевое оружие на кисть, краски, холст.

Публикуемые ниже воспоминания народного художника России Михаила Будкеева напрямую не связаны с художественным творчеством, но они дают

Рис. 3. Михаил Будкеев – курсант Канской лётной школы (1940)

представление о времени, в которое формировалась эта неординарная личность.

«При зачислении меня в авиашколу и принятии присяги (ещё был конец 1940-го, начало 41-го года) срок обучения устанавливался девять месяцев, но началась Великая Отечественная война. Занятия уплотнились. Прошли девять месяцев, прошёл год, занятия углублялись. Изучалась более современная техника, вооружение, углублялись знания по воздушной тактике. Началась Сталинградская битва 17 июля 1942 года, продолжалась до 2 февраля 1943 года. Вскоре в Канск было эвакуировано Краснодарское лётное училище, а уже зимой (январь-февраль) Канское военно-авиационное училище приказом Главнокомандующего было расформировано. Часть курсантов и исправная техника были направлены на Карельский фронт с лётчиками-инструкторами, а остальные курсанты направлены в общевоинские военные училища. Все близкие товарищи разъехались в разные училища, и мы все “растерялись”» [1, л. 167].

Ещё будучи курсантом лётной школы, М. Будкеев проявил себя как талантливый художник-оформитель. Он оформлял газету «Стартовка», которая выпускалась практически каждый день в период лётной практики. Наглядная агитация была также его обязанностью: курсант М. Я. Будкеев писал плакаты, лозунги, портреты руководителей, делал стенды, оформлял «красные уголки». Его способности заметило руководство, в результате чего их учебные группы всегда побеждали на конкурсах наглядной агитации вплоть до отправки курсантов на фронт после пехотной подготовки в Новосибирском училище.

«Новосибирское пехотное училище запомнилось холодной зимой и ускоренными выпусками. Часто зимой днём и ночью проходили войсковые учения, сразу почувствовалась разнища в рационе питания, все имеющиеся вещи из гражданки обменивались на продукты или продавались. Учебный взвод, которым командовал лейтенант Анатолий Ступак, по своему составу был интернациональным, впрочем, как и все другие. Он несколько раз подавал рапорты для посылки на фронт, но как ценного преподавателя, и вообще, как человека стоящего, с большим сроком службы, его не отпускали. Мне, конечно, для прохождения программы подготовки было легче, чем другим: все необходимые знания по уставам я знал, приходилось внимательнее вникать в тактические занятия по командованию стрелковым взводом. Вскоре состоялся выпуск с присвоением звания лейтенанта.

Училище располагалось в Новосибирске, и здесь мне впервые в жизни удалось увидеть настоящее искусство живописи в подлинниках.

В Новосибирском оперном театре экспонировался ряд произведений, эвакуированных из музеев и галерей Москвы, да возможно и из других городов СССР» [1, л. 168].

Впоследствии М.Я. Будкеев не раз вспоминал, что встреча с шедеврами мирового изобразительного искусства произвела на него неизгладимое впечатление. Несмотря на то, что всё это происходило в трагической для страны обстановке, впечатление глубоко отложилось в памяти, и подспудно ожидало своей реализации [2].

«По окончании экзаменов и присвоения званий нас переобмундировали. Несколько дней мы провели в опустевших казармах; почему-то было очень пусто. Знаю, что не все сдавали экзамены, видимо, всё зависело от сроков учёбы, и поэтому нас быстро рассортировали: одни должны были продолжить занятия, другие же, как аттестованные, ждали получения заявок от действующих частей. Это было каких-то два-три дня. Нас разместили по вагонам-теплушкам, и эшелон двинулся в Москву. Нас всех направили на ВДНХ – в резерв Верховного Главнокомандующего, и там удалось кое с кем свидеться из лётного училища. Но тут же стали комплектовать команды для направлений в действующую армию, грузились на студебеккеры, через Тулу и ещё какие-то пункты, шли без остановок, и только шины пели свою мажорную песню.

Наша колонна прибыла в Отрадное – это почти пригород Воронежа. Отсюда уже была видна атмосфера сражений. Воронеж был только что освобождён, и машины осторожно проходили через город по указателям «Разминировано», «Мин нет» [1, л. 169–170].

В отличие от некоторых художников, попавших на фронт, М. Будкеев не делал рисунков, набросков: события в то время развивались стремительно, было не до творчества.

Рис. 4. М. Будкеев. Бульвар защитников Сталинграда. Барнаул (2006)

«Это был уже март или начало апреля 1943-го года. Прибыли к месту нахождения дивизии, полка, где определились по батальонам, ротам, взводам. До непосредственного вступления в бой на передовой некоторое время батальоны, роты, взводы занимались обучением поступающих пополнений: владением оружием, гранатами и всем, с чем придётся практически иметь дело в ходе боя.

Дивизия много маневрировала, возводя оборонительные сооружения в глубину и по фронту. Я не вёл дневниковых записей, конечно, больше по молодости, да и вообще, в военной обстановке – это было делом журналистов и корреспондентов. Много было пройдено высот и населённых пунктов с боями (вплоть до 5-го июля – начала грандиозного сражения – Великой битвы на Курской дуге). Несколько раз наши подразделения доформировывались новыми пополнениями, с коротким, если можно так назвать, передыхом, который заключался в том, чтобы обстираться, отремонтироваться, насколько можно – обучить пополнение, и снова на передовую» [1, л. 171].

Цепкая память молодого офицера сохраняла не только основные события, но и мельчайшие подробности солдатского быта. Вероятно, с этого периода будущий художник развил феноменальную способность запоминать образы, картины происходящего, которые навсегда врезались в сознание.

«В моменты передышки и получения пополнения там почему-то не было бань. Правда, никаких бань на всех всё равно бы не хватило, чтобы помыться, постирать обмундирование и избавиться от паразитов. Делали что-то вроде огороженных брезентом палаток, и там из сок мылись. В это же время поступали новые пополнения. Надо проверить всех, провести практические занятия по владению оружием, гранатой, вообще всё в целом, насколько позволяет время.

Мой взвод проводил занятия по бросанию гранат в отделении сержанта Разрана. У одного из вновь поступивших солдат после броска не взорвалась боевая граната, а надо было, чтобы солдаты обращались с этим, пожалуй, особым оружием не задумываясь, быстро и правильно. Он, видимо, не выдернул боевую чеку. Причин этого ЧП я не мог добиться ни у него, ни у командира отделения сержанта Разрана. Оставлять не подорванную или не обезвреженную гранату было нельзя. Дело было на окраине посёлка. Пробовали расстрелять её из винтовки, но было плохо видно, и одиночная стрельба ничего не дала. Тогда Разран решил, чтобы я дал очередь из автомата.

Конечно, можно было сообщить и пригласить сапёра, но куда там – у всех дел и без того по горло. Сами соорудили возвышение, грана-

ту уже было можно рассмотреть. Я дал короткую очередь, – граната не подорвалась. Тогда Разран говорит: ”Товарищ лейтенант, положите автомат мне на плечо и подлиннее дайте очередь“. Опасно, конечно, но подумали и решили. Он закрыл уши руками, я дал короткую очередь, граната не взрывается. Он зажал уши руками и говорит: ”Дайте длинную очередь“. Я так и сделал. Граната взорвалась, но от вибрации ствола одна рука сорвалась, и её обожгло чуть выше кисти. Все заволновались, мне сделали перевязку, и солдаты сказали, что всё это будет между нами,

и об этом ЧП не стали докладывать. Рука, конечно, скоро зажила, но это как-то отложилось в моей душе» [1, л. 172–175].

Уже по этим фрагментам фронтовой жизни можно увидеть, что в экстремальных условиях с особой силой раскрываются личные качества человека. Во время боевой подготовки молодому лейтенанту М. Будкееву пришлось применить незаурядные организаторские способности. Впоследствии его талант руководителя проявился в полной мере, когда его избирали секретарём парткома, председателем Алтайской организации Союза художников. Долгое время на плечах художников-фронтовиков держалась вся организационная работа творческих коллективов [3].

«На окраине какого-то села было затишье, все находились в окопах – кто приводил своё оружие в порядок, кто подправлял бруствер окопа,

*Рис. 5. Гвардии лейтенант М. Будкеев
во время боёв на Курской дуге*

кажется, ничего не ожидалось. Командир соседнего взвода собрал людей у себя в окопе с небольшим перекрытием, и они о чём-то беседовали, слышалось веселье. Вдруг артиллерийский и миномётный обстрел, прямое попадание снаряда в этот блиндаж – и все погибли. В моём взводе ранило пожилого солдата осколком в лицо, его всего залило кровью, но это было, видимо, не очень серьёзное ранение. Я находился рядом, сделал ему перевязку. Он был в сознании и сказал, что сам дойдёт до санроты. Степной фронт, 5-я армия, 66-я стрелковая дивизия, 145-й гвардейский стрелковый полк, командир – генерал-лейтенант Жадов. Командующий Степным фронтом – генерал-полковник Конев» [1, л. 176-177].

В этот период лейтенанту М. Будкееву пришлось взять на себя командование соседним взводом. Подобные ситуации нередко случались на фронте. Смерть ежесекундно глядела в глаза. И это была сильнейшая закалка характеров и выносливости. Благодаря такой закалке впоследствии художник выживал в самых трудных ситуациях, первым забираясь в самые недоступные уголки Горного Алтая. По воспоминаниям художника, его жизнь в горах не раз висела на волоске, но фронтовая закалка всегда выручала.

«Запомнился случай, когда в ходе наступления, казалось, не было даже признаков сопротивления, и разведка не предупреждала о наличии огневых точек, но вдруг, неожиданно для всех нас, открылся ураганный огонь из танков болванками, и тут же методично заработал крупнокалиберный пулемёт немцев. И всё это на открытой местности. О продвижении не могло быть и речи, уже в первые мгновения появились потери. Залегли, стали окапываться. Противника не видно, чтобы вести прицельный огонь: немцы били из-за укрытия, танки вкопаны в землю, болванки летят прямо над головой, рой пулемётных пуль. Когда летит болванка, она издаёт такой душераздирающий вой, лязг, треск, как будто находишься в железной бочке, и по ней бьют кувалдой. Всё это длилось порядочное время, пока одумавшаяся наша артиллерия не подавила цели. В этой неожиданной стычке нас просто били в открытую, и что обидно, это было оставленное немцами прикрытия при своём поспешном отходе. Погибли не успевшие как следует окопаться двое из нашего взвода – прямым попаданием крупнокалиберного пулемёта прямо в каски. Молодые, красивые Насонов и Суворов, они всегда были вместе. В случаях, когда были передышки, они отправлялись на полковую самодеятельность. Могли бы стать талантливыми актёрами, певцами. Так и погибли – лежали рядом. У молодёжи был недостаток в том, что они не верили в опасность и ничего не боялись; так и в этом случае, они не успели окопаться» [1, л. 178–180].

Сражения на передовой – не только стресс, но и повседневная фронтовая работа. Трудно представить себе сегодня, что художник, переживший столь страшные и трагические события, взялся за кисть, и писал прекрасную природу своего края. Но, видимо, необходимо было пережить такое, чтобы, по принципу художественного контраста, воплотить на холстах лучшие проявления жизни.

«При отступлении немцы на отдельных участках оставляли засады в виде вкопанных танков, пулемётов со смертниками на путях наиболее предполагаемых продвижений наших войск, и зачастую их трудно было обнаружить. Связь и корректировка у немцев были хорошо налажены.

Особенно не любили наши солдаты, да и командиры, когда в затишье над нашими позициями – передовыми, да и в глубине фронта – вдруг появлялись Фокке-Вульф-рама – разведывательные самолёты. Я много раз наблюдал эту безнаказанную птицу, и ни разу не пришлось видеть, чтобы её сбили наши зенитчики. После появления такой рамы надо было ждать неприятностей. В это время зачастую немецкие самолёты были безнаказанными, пожалуй, до появления наших МИГов, ЯКов, и особенно, ИЛ-2 – штурмовика. Его называли «чёрная смерть», он действительно сеял смерть и панику, особенно, когда (забегая вперёд) эти ИЛы после артподготовки, идя на бреющем полёте, бомбят ЭРЭСами и расстреливают из пушек и пулемётов, тогда наша пехота даже вылезает из окопов и с восторгом наблюдает эту картину» [1, л. 181–182].

Так закалялось поколение наших отцов и дедов. Многие из художников-фронтовиков, уже ушедших из жизни, оставили современным поколениям прекрасные примеры картин, отражающих пронзительный восторг перед жизнью. Такое стало возможным только в условиях их фронтового опыта.

«В одном из промежутков между боями запомнился случай, когда перед строем полка расстреливали дезертиров, и наше подразделение было очевидцем. В одной из балок, в нательном белье, перед выкопанными могилами расстреляли трёх, все они были пожилые, и были жителями здешних мест. И это не просто как в кино или в каком-то произведении – повести или романе «Война и мир». Зрелище, содрогающее душу... И особенно казалось странным, что рядом идёт страшная война и что при таком скоплении войск мог случиться внезапный налёт. Хотя, видимо, были приняты необходимые меры предосторожности» [1, л. 183].

Жизнь на войне показала не только примеры доблестной самоотверженности, но и человеческой слабости, трусости. И только прошедшие с честью все испытания смогли сохранить силу духа, твёрдость характера, упорство в достижении жизненных целей.

*Рис. 6. М. Будкеев.
Парк-ветеран Второй мировой (2000)*

Фронтовой опыт художника Михаила Будкеева оказал огромное влияние на его творчество. В искусстве есть термин «единение по принципу контраста». Иногда для того, чтобы адекватно оценить степень прекрасного, необходимо понять степень безобразного. Эти парные категории остаются неизменными в степени оценки

и восприятия художественных произведений. Пройдя тяжкие военные испытания, художник смог наиболее ярко выразить красоту мира [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Будкеев М. Я. Тетрадь воспоминаний: рукопись // Личный архив семьи М.Я. Будкеева. 1972–2019 гг.
2. Будкеев С. М. Начало профессионального пути (по дневникам Михаила Будкеева) // Культурное наследие Сибири : сб. ст. / под ред. Т.М. Степанской. – Вып. 5 (23). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. – С. 99–107.
3. Усанова А. Л. Социокультурная среда – фактор формирования региональных особенностей художественного творчества // Культурное наследие Сибири: сб. ст. / отв. ред. Т.М. Степанская. – Вып. 11. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 137–140.
4. Будкеев С. М., Усанова А. Л., Будкеев Д. С. Михаил Будкеев, Народный художник России: Жизнь как художественный образ: альбом. – Барнаул, 2021. – 30 с.: ил.

BIBLIOGRAPHY:

1. Budkeev M. Ya. Notebook of memories: manuscript // Personal archive of M.Y. Budkeev's family. 1972–2019.
2. Budkeev S. M. The beginning of the professional path (according to the diaries of Mikhail Budkeev) (scientific article) The cultural heritage of Si-

beria: a collection of scientific papers / edited by T. M. Stepanskaya. Issue 5 (23). Barnaul: Publishing House of Alt. un., 2017. P. 99–107.

3. Usanova A. L. Socio-cultural environment as the factor in the formation of regional features of artistic creativity // Cultural heritage of Siberia: Collection of articles. – Issue 11 / ed. by T. M. Stepanskaya. Barnaul: Publishing House of Alt. un-ta, 2010. P. 137–140.

4. Budkeev S. M., Usanova A. L., Budkeev D. S. Mikhail Budkeev, People's Artist of Russia: Life as an artistic image: album. Barnaul, 2021. 30 p.: ill.